

ЦЕРКОВЬ СПАСА на НЕРЕДИЦЕ: от ВИЗАНТИИ к РУСИ

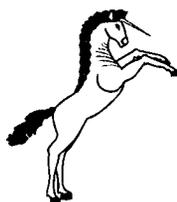
К 800-летию памятника

Российская академия наук
Институт востоковедения
Отдел сравнительного культуроведения
Кабинет византистики
Институт христианской культуры средневековья

ЦЕРКОВЬ СПАСА на НЕРЕДИЦЕ: от ВИЗАНТИИ к РУСИ

К 800-летию памятника

МОСКВА «ИНДРИК» 2005

УДК 72
ББК 85.11
Ц 44

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-04-16054д)*

Редакционная коллегия:

*Г. И. Вздорнов, Н. В. Пивоварова, В. Д. Сарабьянов, Вл. В. Седов
О. Е. Этингф (ответственный редактор)*

Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингф. — М.: «Индрик», 2005. — 328 с.; ил.

ISBN 5-85759-301-8

Настоящий сборник — попытка комплексного исследования силами археологов, историков, реставраторов, искусствоведов и филологов Спасо-Преображенской церкви на Нередице, построенной и расписанной в 1198–1199 гг. Авторы пытаются оценить это выдающееся явление и его значение в контексте культуры всего греко-славянского мира периода около 1200 г. В книге приняли участие специалисты Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода. Сборник делится на три части. В первую часть включены исследования, касающиеся истории храма и монастыря, архитектуры, убранства церкви и ее росписи, а также проблемы новгородской мастерской художника Олисея Гречина. Второй раздел посвящен истории реставрации памятника. Третья часть объединяет публикации архивных документов и неизвестных материалов.

Книга предназначена для специалистов по традиционной русской культуре, а также для широкого круга лиц, интересующихся проблемами истории русской культуры.

ISBN 5-85759-301-8

© Коллектив авторов, 2005
© Издательство «Индрик», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	6
-------------------	---

Исследования

<i>Гиппиус А. А.</i> Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в.....	11
<i>Ядрышников В. А.</i> Страницы истории Спасо-Нередицкого монастыря.....	26
<i>Булкин В. А.</i> Спасо-Преображенская церковь на Нередице и новгородская архитектурная школа XII в.....	33
<i>Седов Вл. В.</i> Придел на хорах церкви Спаса на Нередице.....	51
<i>Седов Вл. В.</i> Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в.....	67
<i>Сарабьянов В. Д.</i> Алтарная преграда церкви Спаса на Нередице: типология и иконография.....	83
<i>Гиппиус А. А.</i> К биографии Олисея Гречина.....	99
<i>Этингоф О. Е.</i> Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде и росписях Спасо-Преображенской церкви на Нередице.....	115
<i>Этингоф О. Е.</i> Многоярусная структура росписи в Спасо-Преображенской церкви на Нередице. Тезисы.....	144
<i>Гордиенко Э. А.</i> Живопись Гарды и Нередицы в системе византийской, новгородской и западноевропейской культуры второй половины XII — первой четверти XIII в.....	150

Реставрация

<i>Щенков А. С.</i> Архитектурная реставрация церкви Спаса на Нередице в начале XX в.....	161
<i>Пивоварова Н. В.</i> Деятельность Академии истории материальной культуры по охране, реставрации и исследованию церкви Спаса на Нередице.....	169
<i>Чубарова Н. А.</i> Фрагменты фресок церкви Спаса Преображения на Нередице в коллекции ЦМиАР.....	177
<i>Квливидзе Н. В., Столова Г. Р.</i> Материалы по истории реставрации фресок церкви Спаса на Нередице.....	180

Публикации, материалы

<i>Порфиридов Н. Г.</i> К вопросу о запрестольном Деисусе Нередицкой церкви. Вступительная статья, публикация и примечания Г. К. Маркиной.....	235
<i>Гусев П. Л.</i> Загадочный деисис в Спасо-Нередицкой церкви. ГАИМК, ф. 51, № 228. Публикация и примечания Н. В. Пивоваровой.....	243
<i>Сычев Н. П.</i> К истории церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода. Публикация и комментарии О. Е. Этингоф.....	247
<i>Лебедева Ю. А.</i> История одной композиции Спасо-Нередицкой церкви. ГАИМК, ф. 51, № 234. Публикация комментариев Н. В. Пивоваровой.....	279
<i>Буров В. А.</i> Исследование М. В. Ломакиной о фресках Нередицы.....	290
<i>Покрышкин П. П.</i> Доклад о способах и мерах к сохранению фресок церкви Спаса-Нередицы в Новгороде. Публикация В. Д. Сарабьянова.....	309
Список сокращений.....	325

А. А. Гиппиус

К БИОГРАФИИ ОЛИСЕЯ ГРЕЧИНА

Открытие на Троицком раскопе мастерской новгородского художника XII в. — одна из наиболее ярких страниц в археологическом изучении Новгорода. Важнейшим результатом исследования этого уникального комплекса стала реконструкция В. Л. Яниным фигуры владельца мастерской Олисея Гречина. Основные жизненные вехи этого лица можно, основываясь на работах В. Л. Янина, представить в виде следующей биографической «справки»:

«Олисей-Гречин Петрович, в монашестве Савва (†1230), новгородский церковный и политический деятель, художник-иконописец. В 1180—1190-е гг. сочетал сан священника с членством в сместном суде и занятиями иконописью. В 1193 г. был одним из кандидатов на архиепископских выборах, но не был избран. В 1196 г. расписал фресками надвратную церковь Положения ризы и пояса Богородицы в Кремле. В 1199 г. возглавлял работы по росписи церкви Спаса на Нередице. После пожара 1209 г. переселился в Загородский конец, где в начале 1220-х гг. священствовал в церкви св. Константина и Елены на Росткине улице. В 1226 г. избран игуменом Юрьева монастыря и новгородским архимандритом. В 1229 г. снова участвовал в выборах архиепископа и опять не был избран. В 1230 г. лишен игуменства и 15 марта того же года умер».

Редкостная для своего времени подробность этой биографии и необычайное разнообразие социальных ролей, приписываемых ею одному лицу, не могут не поражать. Отсюда — большой разброс в оценках построения В. Л. Янина: от его полного приятия одними авторами до глубокого скептицизма других¹. В этой ситуации любое добавление к портрету Олисея Гречина (а настоящая работа как раз и преследует цель добавить к этому портрету несколько штрихов) предполагает в качестве предварительного условия оценку степени достоверности биографической реконструкции В. Л. Янина.

Напомним для начала основные источники, на которых эта реконструкция основывается. Эти источники таковы:

1) археологический комплекс, вскрытый в напластованиях 1180—1190-х гг. усадьбы «А» Троицкого раскопа и включающий:

— вещевой комплекс, свидетельствующий о принадлежности усадьбы «А» в рассматриваемый период священнику и художнику-иконописцу;

— комплекс из сорока берестяных грамот, пять из которых объединены именем (Олисея) Гречина. Это грамота № 546 — ярлычок с именем *грицьнъ* — и четыре письма, адресованных Гречину: № 603 — от Смолига к Гречину и Мирославу (о проигранной тяжбе); № 502 — от Мир(о)слава к Олисею Гречину (о предстоящем допросе полочанина Гавка); № 549 — от попа к Гречину (заказ на две иконы; № 558 — от попа Мины к Гречину (требование доставить готовые иконы);

2) летописные (в НПЛ) упоминания новгородских «Гречинов» конца XII — первой трети XIII в.:

— под 6701(1193) г.: описание выборов архиепископа (один из кандидатов — Гречин);

— под 6704 (1196) г.: известие о росписи надвратной церкви Положения ризы и пояса Богородицы («а писец Гречин Петрович»);

— под 6734 г.: известие об избрании попа церкви Константина и Елены Гречина игуменом Юрьева монастыря (пострижен 2 марта, поставлен игуменом 8 марта);

— под 6737 (1229): описание выборов архиепископа (один из кандидатов — Гречин);

— под 6738 (1230): сообщение о смещении, болезни и смерти 15 марта игумена Юрьева монастыря Саввы;

3) запись в Стихираре РНБ, Соф. 85, сделанная попом Саввой (мирское имя — Гречин), переписавшим рукопись для церкви Константина и Елены.

Реконструкция В. Л. Янина, связывающая все эти свидетельства с одним и тем же лицом, складывается из ряда последовательных шагов разной степени гипотетичности.

Наиболее бесспорным в этой цепи отождествлений является отнесение к одному лицу — Олисею Гречину — всех пяти названных выше берестяных грамот. Данный вывод с очевидностью вытекает из самого факта сосредоточенности этих документов на одной усадьбе и в пределах одного компактного хронологического интервала².

Фигура Олисея Гречина, одновременно священника, высокопоставленного чиновника сместного суда и художника-иконописца, оказывается связующим звеном между Гречином — претендентом на новгородскую кафедру в 1193 г. — и Гречином Петровичем, расписавшим в 1196 г. Ризоположенскую церковь в Кремле. Тождественность этих двух летописных персонажей, которую иначе было бы невозможно предположить, становится таким образом высоковероятной. Эта вероятность еще более возрастает ввиду того, что, как справедливо замечает Янин, упоминание Гречина в статье 1193 г. только по имени свидетельствует, что другого Гречина в это время среди наиболее авторитетного новгородского священства не было (НГБ 1977–1983: 20).

С полной уверенностью можно говорить об идентичности Гречина, избранного в 1226 г. игуменом Юрьева монастыря, с умершим в 1230 г. юрьевским игуменом Саввой и писцом Стихираря Саввой Гречином. Сочетание имен в записи Стихираря ясно свидетельствует, что умерший в 1230 г. Савва — то же лицо, что и избранный в 1226 г. Гречин. Распространение этого отождествления и на Гречина, названного в 1229 г. в качестве одного из претендентов на архиепископию, основывается на допущении, что и в это время среди высшего новгородского духовенства был только один Гречин³.

Более проблематично, хотя и вполне правдоподобно отождествление Олисея Гречина 1190-х гг. с Саввой Гречином 1220-х гг. Этих лиц объединяет общее мирское имя и сан священника; в то же время их связь с разными концами города, различные христианские имена, как и тридцатилетний интервал, разделяющий две группы известий, составляют известные препятствия для такой идентификации.

В. Л. Янин виртуозно обошел эти препятствия, предположив переселение Гречина из Людина в Неревский конец после разгрома клана Мирошкиничей и пожара 1209 г., а также принятие Олисеем при постриге имени Савва, созвучного имени его предшественника на юрьевском игуменстве Савватия (Савва и Савватий, как указывает Янин, празднуются вместе со св. Федотом 9 марта, когда был совершен постриг). Идентичность двух персонажей оказывается таким образом вполне возможной, хотя специальные основания для их отождествления отсутствуют.

Большая гипотетичность, свойственная построению В. Л. Янина в его среднем звене, лишь оттеняет надежность выводов исследователя относительно раннего периода биографии Олисея Гречина, который и будет интересовать нас в дальнейшем. Именно с этим ранним периодом связаны основные загадки личности Гречина. Загадочной остается прежде всего сама многоликость этой фигуры. Если сочетание функций священника и судьи в принципе объяснимо, то совмещение этих ролей с профессией церковного художника не может не удивлять. Необычность этого сочетания должна быть, очевидно, как-то связана с необычным для новгородца прозвищем *Гречин*. Откуда это прозвище, и что стоит за ним? И действительно ли это прозвище, а не указание на этническую принадлежность?

Вопрос о национальности Гречина решался в литературе по-разному. В. Л. Янин, одно время признававший Олисея Гречина этническим греком, впоследствии отказался от этой точки зрения, предположив местное, новгородское происхождение Гречина (ср.: Колчин, Хорошев, Янин 1981: 147–148; Янин 1983: 104; НГБ 1977–1983: 25). Для таких колебаний действительно есть все основания. О греческом происхождении владельца усадьбы «А» позволяет, казалось бы, говорить грамота № 552, содержащая греческую надпись Μ(ε)ρκουριου το στρατιλατι, т. е. 'Меркуриу воину'. Это единственный во всем корпусе берестяных грамот документ, написанный по-гречески, и обнаружение его на усадьбе, принадлежавшей «Гречину», делает эту грамоту наиболее вероятным автографом владельца усадьбы. Однако принятие данной точки зрения сопряжено с известными трудностями. Странной для этнического грека кажется в первую очередь сама степень вовлеченности Гречина в церковно-политическую жизнь Новгорода, характеризующая его как абсолютно «своего» в городе человека, выходца из рядов местной аристократии⁴.

Сильным аргументом в пользу местного, новгородского происхождения Гречина является, на наш взгляд, его христианское имя *Олисей* (др.-рус. *Олисьи*, *Елисьи*, греч. *Ελισαιος* или *Ελισ(σ)ευς*, восх. к евр. *Elisha*). Принадлежавшее библейскому пророку, память которого празднуется 14 июня, это имя было довольно популярно на Руси. В одних только берестяных грамотах отмечены, кроме Гречина, еще четыре Олисея (№ 228, 568, 693, Смол. 7). К ним можно добавить художника (!) Олисея, оставившего свои автографы в Новгородской Софии во время росписи храма в середине XI или в начале XII в. (Медынцева 1978: 51–52, № 25, 26), а из деятелей более позднего времени — новгородских тысяцких Олисея (Елисея) Ананьича (3-я четв. XIV в.) и Олисея (Елисея) Константиновича (1-я четв. XV в.) (НПЛ: 472–473).

Совершенно иную картину демонстрируют византийские источники, в которых данное имя практически не засвидетельствовано. Во всяком случае, ни в одном из просмотренных нами текстов и подборок документов, относящихся к рассматриваемой эпохе и снабженных именными указателями, оно не встретилось. В том, что такое отсутствие не является случайным, но отражает реальное различие в со-

2) летописные (в НПЛ) упоминания новгородских «Гречинов» конца XII — первой трети XIII в.:

— под 6701(1193) г.: описание выборов архиепископа (один из кандидатов — Гречин);

— под 6704 (1196) г.: известие о росписи надвратной церкви Положения ризы и пояса Богородицы («а писец Гречин Петрович»);

— под 6734 г.: известие об избрании попа церкви Константина и Елены Гречина игуменом Юрьева монастыря (пострижен 2 марта, поставлен игуменом 8 марта);

— под 6737 (1229): описание выборов архиепископа (один из кандидатов — Гречин);

— под 6738 (1230): сообщение о смещении, болезни и смерти 15 марта игумена Юрьева монастыря Саввы;

3) запись в Стихираре РНБ, Соф. 85, сделанная попом Саввой (мирское имя — Гречин), переписавшим рукопись для церкви Константина и Елены.

Реконструкция В. Л. Янина, связывающая все эти свидетельства с одним и тем же лицом, складывается из ряда последовательных шагов разной степени гипотетичности.

Наиболее бесспорным в этой цепи отождествлений является отнесение к одному лицу — Олисею Гречину — всех пяти названных выше берестяных грамот. Данный вывод с очевидностью вытекает из самого факта сосредоточенности этих документов на одной усадьбе и в пределах одного компактного хронологического интервала².

Фигура Олисея Гречина, одновременно священника, высокопоставленного чиновника сместного суда и художника-иконописца, оказывается связующим звеном между Гречином — претендентом на новгородскую кафедру в 1193 г. — и Гречином Петровичем, расписавшим в 1196 г. Ризоположенскую церковь в Кремле. Тождественность этих двух летописных персонажей, которую иначе было бы невозможно предположить, становится таким образом высоковероятной. Эта вероятность еще более возрастает ввиду того, что, как справедливо замечает Янин, упоминание Гречина в статье 1193 г. только по имени свидетельствует, что другого Гречина в это время среди наиболее авторитетного новгородского священства не было (НГБ 1977–1983: 20).

С полной уверенностью можно говорить об идентичности Гречина, избранного в 1226 г. игуменом Юрьева монастыря, с умершим в 1230 г. юрьевским игуменом Саввой и писцом Стихираря Саввой Гречином. Сочетание имен в записи Стихираря ясно свидетельствует, что умерший в 1230 г. Савва — то же лицо, что и избранный в 1226 г. Гречин. Распространение этого отождествления и на Гречина, названного в 1229 г. в качестве одного из претендентов на архиепископию, основывается на допущении, что и в это время среди высшего новгородского духовенства был только один Гречин³.

Более проблематично, хотя и вполне правдоподобно отождествление Олисея Гречина 1190-х гг. с Саввой Гречином 1220-х гг. Этих лиц объединяет общее мирское имя и сан священника; в то же время их связь с разными концами города, различные христианские имена, как и тридцатилетний интервал, разделяющий две группы известий, составляют известные препятствия для такой идентификации.

В. Л. Янин виртуозно обошел эти препятствия, предположив переселение Гречина из Людина в Неревский конец после разгрома клана Мирошкиничей и пожара 1209 г., а также принятие Олисеем при постриге имени Савва, созвучного имени его предшественника на юрьевском игуменстве Савватия (Савва и Савватий, как указывает Янин, празднуются вместе со св. Федотом 9 марта, когда был совершен постриг). Идентичность двух персонажей оказывается таким образом вполне возможной, хотя специальные основания для их отождествления отсутствуют.

Большая гипотетичность, свойственная построению В. Л. Янина в его среднем звене, лишь оттеняет надежность выводов исследователя относительно раннего периода биографии Олисея Гречина, который и будет интересовать нас в дальнейшем. Именно с этим ранним периодом связаны основные загадки личности Гречина. Загадочной остается прежде всего сама многоликость этой фигуры. Если сочетание функций священника и судьбы в принципе объяснимо, то совмещение этих ролей с профессией церковного художника не может не удивлять. Необычность этого сочетания должна быть, очевидно, как-то связана с необычным для новгородца прозвищем *Гречин*. Откуда это прозвище, и что стоит за ним? И действительно ли это прозвище, а не указание на этническую принадлежность?

Вопрос о национальности Гречина решался в литературе по-разному. В. Л. Янин, одно время признававший Олисея Гречина этническим греком, впоследствии отказался от этой точки зрения, предположив местное, новгородское происхождение Гречина (ср.: Колчин, Хорошев, Янин 1981: 147–148; Янин 1983: 104; НГБ 1977–1983: 25). Для таких колебаний действительно есть все основания. О греческом происхождении владельца усадьбы «А» позволяет, казалось бы, говорить грамота № 552, содержащая греческую надпись Μ(ε)ρκουριου το στρατιλατι, т. е. 'Меркурию воину'. Это единственный во всем корпусе берестяных грамот документ, написанный по-гречески, и обнаружение его на усадьбе, принадлежавшей «Гречину», делает эту грамоту наиболее вероятным автографом владельца усадьбы. Однако принятие данной точки зрения сопряжено с известными трудностями. Странной для этнического грека кажется в первую очередь сама степень вовлеченности Гречина в церковно-политическую жизнь Новгорода, характеризующая его как абсолютно «своего» в городе человека, выходца из рядов местной аристократии⁴.

Сильным аргументом в пользу местного, новгородского происхождения Гречина является, на наш взгляд, его христианское имя *Олисей* (др.-рус. *Олисьи*, *Елисьи*, греч. *Ελισαιος* или *Ελισα(σ)ευς*, восх. к евр. *Elisha*). Принадлежавшее библейскому пророку, память которого празднуется 14 июня, это имя было довольно популярно на Руси. В одних только берестяных грамотах отмечены, кроме Гречина, еще четыре Олисея (№ 228, 568, 693, Смол. 7). К ним можно добавить художника (!) Олисея, оставившего свои автографы в Новгородской Софии во время росписи храма в середине XI или в начале XII в. (Медынцева 1978: 51–52, № 25, 26), а из деятелей более позднего времени — новгородских тысяцких Олисея (Елисея) Ананьича (3-я четв. XIV в.) и Олисея (Елисея) Константиновича (1-я четв. XV в.) (НПЛ: 472–473).

Совершенно иную картину демонстрируют византийские источники, в которых данное имя практически не засвидетельствовано. Во всяком случае, ни в одном из просмотренных нами текстов и подборок документов, относящихся к рассматриваемой эпохе и снабженных именными указателями, оно не встретилось. В том, что такое отсутствие не является случайным, но отражает реальное различие в со-

ставе и принципах организации русского и греческого именователя, убеждают относящиеся к более позднему периоду материалы просопографического лексикона Э. Траппа, содержащего сведения о всех известных византийцах палеологовской эпохи (1261–1453). Из почти тридцати пяти тысяч человек, учтенных этим уникальным сводом, лишь один носил имя *Ελισσευς*, и этот единственный Елисей был сожженный в 1394 г. в Адрианополе философ-иудей (Трапп 3: 99, № 6022).

Итак, христианское имя Гречина настолько же органично вписывается в древнерусскую антропонимическую ситуацию, насколько резко выпадает из ситуации византийской. Если бы Олисей Гречин был этническим греком, он был бы, возможно, единственным известным греком с таким именем.

Малохарактерно для византийца XII в. и имя отца Гречина *Петр*. Широко распространенное в Византии еще в VIII–IX вв., в дальнейшем оно резко перестает быть популярным. По подсчетам А. П. Каждана (ODB 3: 1636), в такой репрезентативной в антропонимическом отношении подборке документов, как акты Афонской лавры, оно по частоте встречаемости занимает лишь 21-е место. Показательно также, что из упоминаемых византийскими авторами XI–XII вв. Петров подавляющее большинство составляют католики и славяне⁵. Можно полагать, что имя *Петр* довольно прочно ассоциировалось с Римом, что в эпоху церковных расколов не могло способствовать его популярности в Византии. Характерно, что все упоминания этого имени в актах Лавры до 1204 г. приходятся на время до конца XI в., в документах же XII в. оно не встречается.

Таким образом, антропонимические соображения делают греческое происхождение практически невероятным для Олисея Гречина и маловероятным для Гречина Петровича. Добавим к этому, что само сочетание «гречин Петрович», если рассматривать его как содержащее этноним, выглядит крайне странным, называя отчество греческого мастера и не называя его имени — других таких примеров, кажется, неизвестно. Напротив, трактовка первого компонента этого сочетания как мирского имени подтверждается записью Стихиаря 1226 г. (независимо от того, считать ли попа Савву Гречина тем же лицом, что Олисей-Гречин Петрович, или нет).

Вывод о местном происхождении, независимо получаемый для Олисея Гречина и Гречина Петровича, лишний раз свидетельствует в пользу тождественности этих персонажей. Все говорит о том, что *Гречин* — прозвище Олисея Петровича, которого он, новгородец по рождению, удостоился, вероятно, за знание греческого языка.

Значение последнего обстоятельства не следует недооценивать. Относительно грамоты № 552 В. Л. Янин замечает, что содержащаяся в ней греческая запись «слишком лаконична и по существу не отличается от обычных греческих обозначений иконных сюжетов, воплощенных русскими мастерами» (НГБ 1977–1983: 25). Это не совсем так. Греческие надписи на ранних русских иконах и фресках — это почти исключительно сокращенные обозначения Христа, Богородицы, а также имена святых в форме именительного падежа в сопровождении стандартных *ο αγιος*, и *αγια*. Декоративно оформленные, эти надписи являются по существу элементами иконографии, восходящими к греческим прототипам. Воспроизведение их русскими иконописцами не требовало от последних не только знания греческого, но в принципе даже элементарной грамотности. О том, что русские мастера в массе своей греческого не знали, говорят многочисленные примеры гибридных русско-греческих и «псевдогреческих» написаний с искаженными флексиями, этимоло-

логически неоправданными декоративными сигмами и проч. (см.: Franklin 1992: 80). Грамота № 552 — явление совсем иного порядка. В ней мы находим грамматически правильно записанную форму дательного падежа словосочетания, состоящего из двух существительных, относящихся к разным типам склонения, и артикля. Не имеющий аналогов среди стандартных иконных надписей, этот текст позволяет говорить о том, что писавший действительно знал греческий язык. Поскольку, как уже было сказано, связывать это знание с занятиями иконописью нет оснований, примирить его с новгородским происхождением Гречина можно, лишь предположив, что в его биографии имел место непосредственный контакт с греками и греческой цивилизацией.

Пора, однако, приступить к изложению обнаруженных в последнее время новых обстоятельств, существенных для понимания фигуры Олисея Гречина и способных, как кажется, объяснить некоторые загадки его биографии. Еще в 1970-е гг. на усадьбе «В» Троицкого раскопа, отделенной от усадьбы «А» Черничиной улицей, была найдена в слоях второй половины XII в. берестяная грамота № 550 — письмо от Петра к Авраму по вопросам сбора податей. Имя Петра упоминалось и в грамоте № 604 — письме от Петрока к Волосу, относящемся к тому же периоду и найденной на усадьбе «Е», также расположенной симметрично усадьбе «А», но уже относительно Пробойной улицы Людина конца. В. Л. Янин, комментируя эти тексты, высказал предположение, что Петр грамот № 550 и 604 и был отцом Гречина Петровича (Янин 1992: 101; ср.: Янин 1998: 324).

Значение этого наблюдения раскрылось летом 1998 г., когда на Троицком XII раскопе были исследованы напластования середины XII в. основной территории усадьбы «Е». Центральным сооружением усадьбы оказался огромный деревянный настил с отверстиями для столбов, некогда поддерживавших навес. Его назначение сделалось ясным из содержания берестяных грамот, в изобилии найденных вокруг, — значительная часть их оказалась связана с отправлением судебной процедуры. По предположению В. Л. Янина, усадьба «Е» служила в середине XII в. местопребыванием «сместного суда» князя и посадника. Совместному характеру этого института отвечает наличие у четырех «судебных» грамот (№ 812, 821, 870 и 885) двух адресатов — Петра (называемого также Петроком) и Якши. Эти лица и были, согласно В. Л. Янину, действительными вершителями «сместного» суда, представляя две его стороны — княжескую и посадничью (Янин 2001: 6–30).

Центральной фигурой комплекса является Петр (он же Петрок), с личностью которого теперь связывается в общей сложности 17 грамот, написанных им, адресованных ему и просто упоминающих его. Эта уникальная для своего времени совокупность текстов характеризует Петра как знатного боярина и государственного чиновника высокого ранга, непосредственно связанного с князем и представляющего его в сместном суде, раздающего от имени князя земельные наделы и курирующего деятельность купцов.

Вероятность того, что именно этот Петр был отцом Гречина Петровича, весьма высока, определяясь несколькими факторами: 1) соотношением имен; 2) соседством усадьбы «Е» с усадьбой «А»; 3) принадлежностью Петра к поколению, действовавшему на 30–40 лет раньше поколения Гречина; 4) тем, что Петр, как и Гречин, был членом «сместного» суда. Последнее особенно существенно, так как известно,

что многие государственные должности носили в средневековом Новгороде наследственный характер.

Чрезвычайно важной для характеристики фигуры Гречина является возможность идентификации Петра-Петрока берестяных грамот усадьбы «Е» с известным летописям персонажем — боярином Петром Михалковичем, выдавшим в 1156 г. дочь за новгородского князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого (ПСРЛ 1: 346; 2: 482). Надежность этой идентификации гарантируется параллельным отождествлением напарника Петра по «сместному» суду Якши с посадником Якуном Мирославичем, в том же 1156 г. вторично занявшим этот пост. Обоснование этого парного отождествления см.: Гиппиус 1999а; Гиппиус 2003.

Принадлежность Петра Михалковича к новгородской боярской элите позволяет строить предположения о личности его отца, деда Гречина. Новгородец Михалко в начале XII в. летописи не известен. Судя по всему, данная форма имени *Михал*, известная в княжеской среде, обладала определенным престижем. В более позднее время Новгородская летопись, упоминая многих Михалей, знает только двух Михалков — Михалка Степанича, посадничавшего (с перерывами) в 1180—1205 гг., и его правнука, также Михалка Степанича, занимавшего этот пост в 1255—1258 гг. Совпадение имен и отчеств прадеда и правнука чрезвычайно показательны: род Михалки Степанича демонстрирует повторяемость имен из поколения в поколения: Степан — Михалко Степанич — Твердислав Михалкович — Степан Твердиславич — Михалко Степанич. Симптоматично, что первый Михалко Степанич впервые упоминается летописью под 1176 г., в котором он, еще не будучи посадником, заново отстраивает сгоревшую годом раньше церковь архангела Михаила на Прусской улице. Патрональный характер посвящения церкви, которая и в дальнейшем остается объектом попечения рода Михалковичей, позволяет предполагать, что основателем ее был дед Михалки Степанича, также Михалко. Не этот ли Михалко и был отцом Петра Михалковича и дедом Гречина?

Кровное родство связывало с прусскими Михалковичами и Якуна Мирославича, фамильной церковью семьи которого была, как можно думать, церковь св. Иакова на Добрыне улице (см.: Гиппиус 1999а: 376—377; Гиппиус 2003: 73—74). На другом конце этой улицы, над Волховом, стояла церковь св. Образа — духовный центр клана Мирошкиничей. Изменившееся благодаря последним находкам представление о социальной топографии Людина конца не позволяет более рассматривать усадьбу Гречина как принадлежащую к периферии городских владений Мирошкиничей. Теперь ясно, что эта усадьба в действительности находилась вплотную к административному центру Людина конца, в политической жизни которого боярство Прусской и Добрыни улиц уже в XII в. стало играть важнейшую роль.

Фигура Гречина от всех этих изменений значительно приобретает в весе. Из человека окружения Мирошкиничей он превращается в лицо совершенно самостоятельное, представителя одного из главнейших боярских родов Новгорода в церковной среде.

Но откуда же профессия иконописца и прозвище *Гречин* у этого отпрыска прусских Михалковичей? Вопросы эти, как уже говорилось, не следует смешивать. Относительно первого нужно заметить, что сочетание знатного происхождения с занятиями иконописью, по-видимому, совсем не представляло для своего времени что-то из ряда вон выходящее. В ближайшем окружении Гречина мы встречаем

такое сочетание еще раз. В статье 1230 г. НПЛ упоминается «Станило, брат Домажиров иконного писца». В. Л. Янин с полным основанием видит в этих братьях родителей упомянутых среди изгнанных в 1209 г. из Новгорода сторонников Мироскиничей Твердислава Станиловича и Овстрата Домажировича (НГБ 1977–1983: 64–65). Боярское происхождение иконописца Домажира, таким образом, не вызывает сомнений.

Что же касается знания греческого, скорее всего, действительно выделявшего Гречина из его окружения, то новые данные о происхождении Олисея Петровича способны, как кажется, пролить свет и на этот вопрос.

Исключительный интерес представляет в этой связи судьба зятя Петра Михалковича — князя Мстислава Юрьевича. В Новгороде он прокняжил недолго и весной 1157 г. был изгнан из города. Пять лет спустя Мстислав Юрьевич вместе с братом Васильком Юрьевичем был изгнан и из Владимиро-Суздальской земли Андреем Юрьевичем Боголюбским. Вместе с матерью (второй женой Юрия Долгорукого, по-видимому, родственницей Мануила Комнина) и захватив с собой семилетнего брата Всеволода, Мстислав и Василько отправились в Византию, где были милостиво встречены императором Мануилом, который, по свидетельству Ипатьевской летописи, дал Васильку четыре города на Дунае, а Мстиславу — «волость О(т)скалана», предположительно отождествляемую с палестинским Аскалоном (ПСРЛ 2: 520)⁶.

Надо думать, судьбу Мстислава Юрьевича разделила и его жена, дочь Петра Михалковича. Олисею Петровичу, если верно его отождествление с умершим в 1230 г. игуменом Юрьева монастыря Саввой Гречином, могло быть тогда не более пяти–семи лет. Таким образом, в то самое время, когда будущий Гречин должен был получать начальное образование, а затем осваивать профессию церковного художника, его старшая сестра находилась в Константинополе, а впоследствии, вероятно, в Палестине. Так что сын Петра Михалковича, как никакой другой его сверстник-новгородец, имел возможность непосредственно познакомиться с Византией, усвоить из первых рук школу восточно-христианского искусства (скорее всего в его провинциальной ближневосточной рецензии), приобрести приличное знание греческого языка, а вместе со всем этим, вернувшись через какое-то время в Новгород, — и прозвище *Гречин*.

Конечно, отправка сына в Византию для обучения иконописи — поступок неожиданный для новгородского боярина XII в. Но столь же неординарна и спровоцировавшая этот поступок ситуация: «дочь новгородского боярина замужем за русским князем в Византии». Породнившись благодаря этому браку не только с Рюриковичами, но и с Комнинами, Петр Михалкович должен был стремиться использовать все преимущества такого родства. Вместе с тем есть основания говорить о том, что отец Гречина действительно имел далеко простиравшиеся патронажные амбиции и в полной мере осознавал значение церковного искусства в современной ему действительности.

В работе Гиппиус 1999б была предложена гипотеза, согласно которой Петр Михалкович был заказчиком двух выдающихся произведений новгородского искусства середины XII в.: одного из двух софийских кратиров, изготовленного мастером Костой, и иконы «Богоматерь Знамение», которой суждено было стать главной святыней республиканского Новгорода. Сочетание в иконографии кратира Косты и оборота Знаменской иконы изображений апостола Петра и мученицы

Анастасии может быть, на наш взгляд, объяснено лишь исходя из трактовки этих изображений как патрональных. Согласно нашей гипотезе, крটির и икона были парным вкладом, сделанным в Софийский собор Петром Михалковичем по случаю бракосочетания его дочери (Анастасии) с князем Мстиславом Юрьевичем. Важнейшим звеном в обосновании этой атрибуции является отождествление жены заказчика кртира Марии с женой Петра Мареной, упоминаемой в берестяных грамотах усадьбы «Е».

Итак, перечисленные данные позволяют следующим образом восстановить картину семейных связей Олисея Гречина: его родителями были боярин Петр Михалкович (Петрок) и Мария (Марена), а сестрой — Анастасия, ставшая в 1156 г. женой князя Мстислава Юрьевича. Эта реконструкция представляет, на наш взгляд, известный интерес для рассмотрения вопроса об отношении Олисея Гречина к росписи Нередицы, к которому нам теперь предстоит обратиться.

Атрибуция Олисею Гречину фресок Нередицы составляет наиболее дискуссионную часть построения В. Л. Янина. Неслучайно сам автор вынес в название соответствующего раздела коллективной монографии вопрос: «Фрески Олисея Гречина?»

Прежде всего заметим, что сама постановка вопроса о возможном участии Гречина в создании нередицких фресок представляется глубоко оправданной. Вероятность такого участия велика уже потому, что предполагать существование в это время в Новгороде значительного числа (более двух-трех) живописных артелей нет оснований, а факт росписи Гречином Петровичем в 1196 г. церкви Положения ризы и пояса Богоматери в Кремле позволяет предполагать, что и следующая по времени роспись Нередицы выполнялась теми же мастерами⁷.

Хотя в силу этих общих соображений вероятность участия Гречина в росписи Нередицы оказывается довольно высокой, конкретные аргументы В. Л. Янина, призванные подтвердить факт такого участия, могут быть и уже были оспорены. Важнейшим из таких аргументов является для В. Л. Янина запрестольная алтарная композиция Нередицы, трактуемая исследователем как деисус, в котором Богоматерь ошибочно обозначена как *агга марфа* — подобно тому, как это сделано в одной из берестяных грамот (№ 545), найденных на усадьбе Гречина. Однотипность этих ошибок является для В. Л. Янина главным свидетельством участия Гречина в росписи Нередицы.

Согласиться с этим аргументом затруднительно по двум причинам. С одной стороны, трудно представить себе, чтобы столь грубая ошибка была допущена в такой ответственной композиции, причем именно Олисеем Гречином, который, как мы выяснили, хотя и не был греком, но греческий знал. С другой стороны, трактовке запрестольной композиции как деисуса имеется весьма серьезная альтернатива. По мысли Н. П. Сычева, поддержанной и развитой Л. И. Лифшицем (1983), фигуры Иоанна Предтечи и св. Марфы, помещенные в медальонах по сторонам Христа-иерея, являются изображениями святых патронов князя Ярослава Владимировича и его жены⁸.

Еще один аргумент, приводимый В. Л. Яниным в пользу участия Гречина в создании нередицких фресок, основывается на анализе нижнего яруса изображений на столбах храма, которые исследователь считает патрональными. Патрональный характер бесспорно имеют изображения св. Никифора на северной грани столба (патрон киевского митрополита Никифора) и св. Мартирия — на восточной грани (патрон новгородского архиепископа Мартирия). Помещенное в медальоне

на западной грани того же столба изображение пророка Елисея Янин трактует как образ святого покровителя главного художника ансамбля — Олисея Гречина.

Если бы такая трактовка была единственно возможной, данный аргумент можно было бы считать безупречным. Действительно, отдельное изображение пророка Елисея (не в барабане, среди других пророков, и не в менологическом цикле), соседствующее к тому же с двумя другими явно патрональными изображениями, в любом другом храме трудно было бы истолковать иначе как патрональное. Однако как раз в системе нередицкой росписи этот образ может быть прочитан и в другом ключе. Связь возведения храма с кончиной малолетних сыновей Ярослава Владимировича заставляет вспомнить, что одним из чудес, совершенных пророком Елисеем, было воскрешение ребенка — сына Сонамитянки (4 Цар. 4: 18–37). Его изображение, следовательно, вписывается в иконографическую программу западного нефа храма, в которой доминировала тема Воскресения (см.: Пивоварова 1999а: 26).

И все же отказываться от трактовки образа пророка Елисея как имеющего патрональное значение было бы преждевременно. Присмотримся к иконографическому контексту, в котором данное изображение находилось в юго-западном компартименте храма. Справа от него, над аркой, переброшенной со столба на южную стену, располагалось поясное изображение Марии Египетской в виде оранты. Еще правее, уже на южной стене, слева от окна над аркосолием с ктиторской фреской — изображение святой Анастасии в рост с крестом в руке.

Последнее изображение большинством авторов рассматривается как символическое воплощение понятия Воскресения. «Основанная на символике имени святой, функция изображения оказывалась аналогичной той, какую имели композиции „Сошествие во ад“ и „Жены-мироносицы у гроба“, располагавшиеся в греческих и сербских церквях над гробницами ктиторов, иными словами — оно выступало в качестве прообраза конечного Воскресения всех смертных в день Страшного суда» (Пивоварова 1999а: 12). О связи с темой Воскресения образа пророка Елисея уже было сказано. Что же касается фигуры Марии Египетской, то ее Н. В. Пивоварова связывает с развитием в системе росписи западного нефа покаянных мотивов. К тому же, согласно житию святой, обращение Марии произошло, когда та стояла перед образом Богородицы в притворе храма: в росписи же Нередицы прямо напротив фигуры Марии Египетской располагалось изображение Богоматери в раю.

Как видим, все названные образы хорошо вписываются в общий замысел росписи храма, каким он восстанавливается в новейших исследованиях. Нельзя не заметить, однако, что в выборе именно данных образов святых и особенно в их расположении друг относительно друга нет никакой обязательности, предопределенности. Каждое из этих изображений является по-своему уникальным. Трудно объяснить, почему из возможных способов выражения идеи Воскресения в Нередице был выбран именно образ св. Анастасии, нигде более в аналогичной функции не засвидетельствованный⁹; почему вопреки традиции, изображающей Марию Египетскую в сцене причащения ее Зосимой или в процессии святых жен в сцене Страшного суда (см. Радойчић 1964: 260–265), эта святая была особо выделена и изображена над арочным проемом в виде оранты; наконец, почему изображение пророка Елисея было помещено на том же столбе, что и патрональные изображения святых Мартирия и Никифора. И главное — почему все три изображения оказались рядом, причем сгруппированные именно таким образом.

Конечно, все эти вопросы вполне можно было бы оставить без ответа, сочтя взаимное расположение трех фигур случайным и семантически не нагруженным. Однако случайность уступает место строгой логике при допущении, что художником, расписывавшим данный компартимент церкви, действительно был Олисей Гречин. Изображение Марии Египетской между пророком Елисеем и великомученицей Анастасией обнаруживает поразительное соответствие картине родственных связей Гречина, какими мы реконструировали их выше: согласно этой реконструкции, Марией звали мать Олисея, а Анастасией — его сестру. Трудно представить себе, чтобы образы патрональных святых самого художника, его матери и сестры случайно оказались рядом, образовав к тому же симметричную композицию, в которой небесные патроны брата и сестры находятся соответственно одесную и ошуюю изображения святой покровительницы их матери.

Легко возразить, что эта симметрия является неполной: фигуры пророка Елисея и святой Анастасии находятся в разных плоскостях и по-разному оформлены — поясное изображение св. Елисея заключено в медальон, а св. Анастасия изображена в рост, причем изображение ее превосходит по размеру фигуры других святых. По своему оформлению эти изображения отличаются от бесспорно патрональных образов святых Мартирия, Никифора и Иоанна Воина, заключенных в одинаковые трехлопастные арочки (см. Пивоварова 1999а: 15). Однако мы и не предполагаем, что перед нами патрональные изображения того же типа, что и только что названные. Было бы странно, если бы художник включил образы патронов его семьи в один ряд с патронами князя-ктитора, новгородского архиепископа и киевского митрополита. Патрональный мотив, с которым мы, как можно думать, имеем дело в данном случае, носит, так сказать, «неофициальный» характер, он искусно вплетен в иконографическую схему, допускающую и предполагающую в качестве основного символично-богословское прочтение. Образую своего рода патрональный «подтекст» этой схемы, он, как и всякий подтекст, участвует в формировании самого «текста», обуславливая выбор из ряда возможных иконографических решений тех, которые могут быть прочитаны в патрональном ключе.

Художник вряд ли мог бы поместить на западной грани юго-западного столба изображение своего патрона, если бы, по удачному совпадению, этим патроном не был пророк Елисей, чей образ хорошо вписался в эсхатологический контекст росписи западного нефа. Тот факт, что эсхатологические коннотации имело и имя сестры художника, позволил ему продолжить эту двойную перспективу, поместив над ктиторовской фреской, где обычно изображались жены мироносицы у гроба или Сошествие во ад, изображение св. Анастасии. Место над аркой оставалось свободным, но напротив, под сценой «Богоматерь в раю», должно было быть изображено шествие в рай праведных жен, предводительствуемых апостолом Петром. В прототипической композиции, на которую ориентировался художник, эту процессию открывала Мария Египетская¹⁰. Родителей художника звали Петр и Мария. Желая придать законченность и симметрию патрональному мотиву, художник вывел Марию Египетскую из этой композиции, поместив ее изображение над аркой между фигурами пророка Елисея и святой Анастасии, что оказалось весьма уместным, так как фигура Марии заняла таким образом место в точности напротив Богоматери, что находило обоснование в житии святой. Место Марии в шествии праведников занял, не без ущерба для смысла композиции, апостол Павел¹¹.

О том, что патрональный мотив, связанный с личностью Олисея Гречина, действительно присутствует в росписи юго-западного компартимента храма, может свидетельствовать еще одно обстоятельство. А. Н. Сорокин обратил мое внимание на сообщение Новгородской первой летописи под 1167 г. о поставлении игуменьей Варварина монастыря некоей Маремьяны (НПЛ: 33) и высказал предположение, что под этим именем приняла постриг все та же Мария-Марена, жена Петра Михалковича и мать Гречина. Действительно, Маремьяна в монашестве скорее всего была в миру Марией или Марфой, причем первое более вероятно, учитывая сравнительную частотность имен. С другой стороны, ко второй половине 1160-х гг. Петр, судя по стратиграфии связанных с ним грамот, прекратил свою деятельность на усадьбе «Е»; видимо, к этому времени его уже не было в живых. Вдова Петра Михалковича вполне могла после смерти мужа стать монахиней, а затем и игуменьей близлежащего Варварина монастыря — такова была судьба многих боярских вдов. Это, конечно, лишь догадка. Однако, учтя ее, мы можем объяснить, почему в арке, над которой с западной стороны находилось изображение Марии Египетской, художник поместил фигуры святых Варвары и Иулиании (последняя пострадала вместе со святой Варварой, и в Варваринном монастыре ей издавна был посвящен особый престол). Отсутствие других видимых оснований для появления этой пары изображений именно в данном месте позволяет отнести ее к числу изображений, сочетание и взаимное расположение которых регулируются все тем же патрональным мотивом.

Заметим, что попытка патрональной интерпретации образов святых жен в росписи Нередицы уже предпринималась в литературе. М. В. Щепкина, предполагая участие в замысле росписи жены Всеволода Большое гнездо Марии Шварновны (родной сестры жены Ярослава Владимировича), объясняла включение в роспись значительной части этих изображений соименностью святых близким и дальним родственницам владимирской княжеской четы. Однако, как справедливо замечает Н. В. Пивоварова (1999б: 217), данное истолкование «не может быть признано убедительным не столько в силу крайней ограниченности наших знаний об именах представительниц различных ветвей княжеских династий, сколько по причине широкого распространения образов большинства из упомянутых святых в византийских храмовых программах». Хотелось бы подчеркнуть принципиальное отличие данной трактовки от предлагаемой нами. В отличие от М. В. Щепкиной, патрональное содержание мы видим не за разрозненными образами, не связанными между собой и имеющими весьма неопределенную «персональную» приуроченность, но за сочетанием в строгом порядке пяти изображений (точнее — трех одиночных и одного парного изображения), нигде более не встречающихся и в то же время идеально соответствующих реконструированным на независимых основаниях биографическим данным возможного автора нередицких фресок. Маловероятно, чтобы это совпадение носило случайный характер.

Можно, конечно, удивляться тому, что художник, пусть и в неявной и завуалированной форме, уделил столько внимания в росписи западного нефа изображениям патрональных святых своей семьи. Однако заметим, что значение этих образов в их патрональном прочтении выходило далеко за рамки узкосемейного. Сестра Гречина Анастасия была, согласно нашей гипотезе, княгиней, и изображение ее патрональной святой (иконографически очень близкое нередицкому) имелось на

одном из трех драгоценных кратиров Софийского собора, а также на обороте уже ставшей к этому времени чудотворной иконы Богоматери «Знамение». Безусловно, весьма почитаемой в Новгороде личностью была и мать Гречина Мария, в свое время стяжавшая вместе со своим мужем кратир и Знаменскую икону, а впоследствии ставшая игуменьей крупнейшего в Новгороде женского монастыря. Наконец, сам Олисей Гречин был в Новгороде конца XII в. фигурой весьма заметной: достаточно вспомнить о его участии в архиепископских выборах 1193 г. Если бы тогда жребий решил по-другому, в аркаде на восточной грани юго-западного столба могло бы разместиться изображение пророка Елисея, а не св. Мартирия.

Патрональный «автограф», оставленный Гречином в Нередицкой росписи, свидетельствует о развитом самосознании его как церковного художника. Безымянность и смиренное самоотречение мастера вовсе не были абсолютной нормой для новгородского искусства XII в., знающего и примеры совсем иного рода — вспомним хотя бы строителя Георгиевского собора Юрьева монастыря Петра или мастеров-среброделов Братилу и Косту, оставивших свои подписи на софийских кратах вместе с ктиорскими надписями. Представление о высоком общественном положении художника Олисей Гречин мог вынести и из Византии. Сошлемся хотя бы на известную надпись в Вифлеемской базилике Рождества об украшении ее мозаиками в 1169 г., сначала называющую имя художника и мозаичиста Эфраима и лишь затем сообщающую, что работа была завершена в правление императора Мануила Комнина и при Иерусалимском короле Амори (см. Васильев 1998: 70).

Кстати, юный Олисей Петрович — если допустить, что «аскалонский период» в биографии нашего героя действительно имел место, — вполне мог наблюдать, проживая неподалеку от Вифлеема, как мастер Эфраим выкладывал в конхе центральной апсиды базилики Рождества фигуру Богоматери Влахернитиссы — ближайшую по времени параллель к изображению в центральной апсиде церкви Спаса на Нередице (см. Мясоедов 1925: 34).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср., например, противоположные оценки, содержащиеся в последних публикациях на данную тему: Kovalev 1998: 5–15 и Страхов 1995: 244–245.
2. Впрочем, в самое последнее время это исходное звено построения В. Л. Янина было оспорено А. Б. Страховым, но без достаточных оснований. Главным препятствием к принятию точки зрения Янина является для Страхова варьирование *и/ь* в корне имени. «С лингвистической точки зрения к этнониму *грькъ* могут быть возведены имена и прозвища с корневым *-ь-* или *-е-*, но вряд ли с *-и-*, т.е. отпадают летописный *Гричнъ* и берестяные *Грицинь* (№ 502, 558 [?]) и *Грицьнъ* (№ 546). Нет никаких данных и для их взаимоотождествления. Скорее всего, *Грицинь* — патронимическая форма, образованная с помощью суфф. *-инъ* от гипокористики **Грица* (<*Григорий*>)» (Страхов 1995: 245). Реконструируя эту нигде более не засвидетельствованную форму, А. Б. Страхов почему-то закрывает глаза на то, что написание *э т н о н и м о в* «грек, греки» через *и* последовательно проведено в Комиссионном списке НПЛ на фоне отсутствия мены *ь/и* в других позициях. См., например, от *грикъ* 165, *митрополитъ гричнъ* 285, *митрополитъ, родом гричнъ* 342 и др. При этом в Академическом списке НПЛ эти формы столь же последовательно пишутся через *е*. Различное написание этнонима в двух списках младшего извода НПЛ, созданных в Новгороде примерно в одно и то же время, составляет прямую параллель к варьированию *Грьчнъ/Гричнъ* в берестяных грамотах, так что призывать для объяснения этого различия дух гипотетического Грицы нет необходимости. В то же время Страхов отвергает тождество

- венность Гречина грамоты № 603 Олисею Гречину грамоты № 502. Корректируя первоначальное прочтение грамоты № 603, он замечает, что «документ адресован *двум* людям: Мирославу и Смолигу Гречину, а не трем» и что «новая конъектура [w] *смолигъ* (!) фантастична» (Там же: 244, примеч. 1). Последнее утверждение кажется странным ввиду подробного обоснования данной конъектуры А. А. Зализняком, обнаружившим форму Р. ед. *Смолигу* в списке с псковской грамоты XIV в., где она явно восходит к оригиналу (см. НГБ 1984–1989: 177). Вполне фантастична, между тем, картина, которая, если верить А. Б. Страхову, наблюдалась в конце XII в. на усадьбе А, где одновременно подвизались по меньшей мере два персонажа: Смолиг Гречин («Грек») и Олисей Грицин (сын «Грицы»). При этом оба они решали судебные дела и занимались иконописью. (Отказ А. Б. Страхова видеть в № 558 упоминание икон и трактовка им сочетания *съ икунами* (очевидная параллель к *на довоу икоунокоу* № 549) как *с и коунами* ‘с восемью (без титла!) кунами’ вряд ли заслуживают серьезного обсуждения.)
3. Справедливости ради нужно заметить, что в том же временном промежутке (1226–1230) летопись упоминает еще одного Гречина, посланного псковичами в Новгород с речью во время конфликта с князем Ярославом Всеволодичем в 1228 г. В. Л. Янин не учитывает этого упоминания, ограничивая свое рассмотрение только новгородскими Гречинами. Между тем, как кажется, нельзя исключать возможности того, что речь и в этом случае идет о том же лице. Псков в это время находился в церковной юрисдикции Новгорода, и юрьевский игумен, носивший одновременно титул «архимандрита новгородского», вполне мог посетить Псков в порядке надзора за монастырями новгородской епархии. Со стороны псковичей в таком случае было вполне естественно доверить донесение своей позиции до сведения новгородцев именно ему: исполнение посольских функций церковными иерархами — практика, хорошо засвидетельствованная летописями. Но это уже, конечно, не более чем догадка.
 4. Заметим, что вопрос о национальности Гречина имеет далеко не узкобиографический интерес. В прямой зависимости от его решения находится общая оценка масштабов и характера византийского влияния в культуре Новгорода конца XII в. Большинство историков древнерусского искусства склонно видеть в «Гречинах», упоминаемых Новгородской летописью в конце XII — начале XIII в., этнических греков. Так, В. Н. Лазарев, ссылаясь на статьи 1193 и 1229 г., писал о существовании в это время в Новгороде «влиятельных грекофильских партий, желавших иметь архиепископа из греков» (Лазарев 1983: 36, ср. Царевская 1999: 18). «Гречина Петровича» статьи 1196 г. В. Н. Лазарев считал византийским мастером, работавшим в Новгороде, связывая с его именем несколько новгородских икон XII в., обнаруживающих особенно сильное греческое влияние (Там же). Возражая исследователям, предполагающим русское происхождение мастера, В. Н. Лазарев писал: «Эта гипотеза представляется для меня весьма сомнительной. Вряд ли летописец именовал ремесленника (а художники были по рангу своему ремесленниками!) по отчеству. Отчеством на «ич» называли обычно лиц, принадлежавших к высшим социальным кругам. Поэтому я склонен считать, что в летописи идет речь о заезжем греке Петровиче, вероятно пользовавшемся большой известностью» (Лазарев 1983: 137, примеч. 56). Факт непосредственного участия греческих мастеров в художественной жизни Новгорода последних десятилетий XII в. является несомненным и для Т. Ю. Царевской, считающей этническим греком не только Гречина Петровича, но и Олисея Гречина (Царевская 1999: 18).
 5. Так, из четырех Петров, упоминаемых современником Гречина Петровича Никитой Хониатом в его «Истории», один — это апостол Петр, а трое других — влах, болгарин и крестоносец.
 6. Справедливости ради нужно заметить, что возможность пожалования Мстиславу византийским василевсом волости в Палестине оценивается в историографии как крайне проблематичная. Как отметил уже Н. М. Карамзин, «император Греческий не мог дать сему князю Аскалонской области, ибо она тогда принадлежала Королям Иерусалимским» (Карамзин 1991: 345, примеч. 405). Сходным образом высказываются и новейшие исследователи, см.: Граля 1985: 134). Впрочем, по мнению А. А. Васильева, как раз к началу 1160-х гг. греческий император восстановил над иерусалимским королем «известного рода сюзеренитет» (Васильев 1998: 71, с литературой вопроса). В этой ситуации пожалование им Аскалона своему русскому родичу (пусть и формальное) было не столь уж невозможным. Большой интерес в связи с этим приобретает косвенное свидетельство пребывания Мстислава Юрьевича в Святой земле — дошедшая в рукописи XIII в. копия надписи на энколпионе с частицей Гроба Господня, принадлежавшем «Федору Росу, родственнику василевса». И. Граля (1990) с полным основанием, на наш взгляд,

видит в этом персонаже Мстислава Юрьевича (христианское имя которого было *Феодор*), упоминая в этой связи и аскалонское пожалование.

7. Косвенным свидетельством причастности к росписи Нередицы мастерской Олисея Гречина является и неоднократно отмечавшаяся в литературе (см. Лазарев 1980: 35; Вздорнов 1972: 268) стилистическая близость к нередицким фрескам оборота двусторонней иконы «Спас нерукотворный / Поклонению кресту» из ГТГ. Г. И. Вздорнов убедительно связывает написание композиции на обороте иконы с обновлением в 1191 г. братом Мирошки Нездинича Внездом фамильной церкви Образа Господня на Добрыне улице. Засвидетельствованная берестяными грамотами близость Олисея Гречина к Мирошке позволяет именно в этой иконе с наибольшим основанием предполагать работу Гречина.
8. Главный довод против такой трактовки, приводимый В. Л. Яниным, в настоящее время должен быть признан утратившим силу. Речь идет о положении, согласно которому искать в росписи Нередицы патрональные изображения, связанные с Ярославом Владимировичем, бессмысленно, так как к началу росписи храма летом 1199 г. князь был уже выведен из Новгорода. Как показали исследования последних лет (Лифшиц 1983; Пивоварова 1991; Пивоварова 1999), роль ктиторовского заказа Ярослава Владимировича в общем замысле росписи Нередицы была чрезвычайно велика: храм строился и расписывался как будущая усыпальница его строителя, а непосредственным поводом к его возведению, отразившимся и в иконографической программе, послужила смерть весной 1198 г. двух сыновей Ярослава. Считать же, что князь был выведен из Новгорода до начала росписи храма, летопись оснований не дает: то, что сообщение об этом предшествует сообщению о росписи Нередицы, объясняется тематической группировкой известий в статье 6707 г. Известие об основании женой Ярослава Владимировича в Новгороде Рождественского монастыря также следует за сообщением о выводе князя, хотя очевидно, что последовательность событий была иной.

Дискуссионным остается вопрос о христианском имени Ярослава Владимировича. В. Л. Янин, опираясь на сфрагистические данные, считает, что князя в крещении звали не Иоанн, а Михаил (см.: Янин и Гайдуков 1998: 46). Не вдаваясь в рассмотрение данного вопроса, заметим лишь, что привлекаемый исследователем сфрагистический материал допускает, на наш взгляд, и альтернативные трактовки, тогда как иконографические данные (в особенности — выявленный Л. И. Лифшицем в нередицкой росписи дополнительный патрональный мотив с участием Иоанна Воина) заставляют сомневаться в справедливости этого вывода.

9. Приводимые аналогии (Войводић 1990: 33) являются неполными, так как в них изображение св. Анастасии или сопутствует сцене Сошествия во ад, или же образует пару с изображением св. Недели, также ассоциировавшейся с Воскресением, — в последнем случае именно сочетание двух изображений дает ключ к их символическому прочтению.
10. Ср., например, аналогичную композицию в росписи Дмитриевского собора во Владимире.
11. Фигура апостола Павла присутствует в сцене шествия праведных в рай и на фреске Андрея Рублева в Успенском соборе во Владимире. Здесь, однако, Павел, жестом левой руки с раскрытым свитком призывающий праведных следовать за ним, выступает, как и Петр, в роли ведущего, тогда как на Нередицкой фреске он — один из ведомых. Его положение в процессии праведных и поза — те же, что и у Марии Египетской во фреске Дмитриевского собора, что и позволяет говорить о том, что в Нередице фигура Павла появилась как замена фигуры Марии.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Васильев 1998 — *Васильев А. А.* История Византийской Империи. От начала крестовых походов до падения Константинополя. М., 1998.
- Вздорнов 1972 — *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 255–269.
- Войводић 1990 — *Войводић Др.* Култ и иконографија свете Анастасије Фармаколитрије у земљама византијског културног круга // Зограф. Београд, 1990. Бр. 21. С. 31–40.

- Гиппиус 1999а — *Гиппиус А. А.* К идентификации персонажей берестяных середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. М., 1999. Вып. 8.
- Гиппиус 1999б — *Гиппиус А. А.* К атрибуции новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. М., 1999. Вып. 8.
- Гиппиус 2001 — *Гиппиус А. А.* «Суть люди новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 59–65.
- Гиппиус 2003 — *Гиппиус А. А.* Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // НИС. СПб., 2003. Вып 9 (19). С. 66–76.
- Граля 1985 — *Hrala H.* Rurikowicze na Bałkanach w XII i XIII wieku // *Balkanica Posnaniensia*. Poznań, 1989. IV. S. 131–140.
- Граля 1990 — *Граля И.* Федор Рос византийской рукописи середины XIII в. // Спорные вопросы отечественной истории X–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990. М., 1990. Т. 1.
- Карамзин 1991 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3.
- Колчин, Хорошев, Янин 1981 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981
- Лазарев 1947 — *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.; Л., 1947.
- Лазарев 1983 — *Лазарев В. Н.* Русская иконопись. От истоков до начала XVI в. М., 1983.
- Лазарев 1986 — *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986.
- Лифшиц 1983 — *Лифшиц Л. И.* Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород. История, искусство, археология: Новые исследования. М., 1983. С. 82–110.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978.
- Мясоедов 1925 — *Мясоедов В. К.* Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925.
- НГБ 1977–1983 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ 1984–1989 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Пивоварова 1991 — *Пивоварова Н. В.* Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23. С. 68–75.
- Пивоварова 1999а — *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. АКД. СПб., 1999.
- Пивоварова 1999б — *Пивоварова Н. В.* К истолкованию программы росписи диаконника церкви Спаса на Нередице в Новгороде // Древнерусское искусство. К 100-летию А. Н. Грабара. СПб., 1999. С. 210–227.
- Пивоварова 2002 — *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- Радойчић 1964 — *Радойчић С.* Una poenitentium, Марија Египатска у српској уметности XIV века // Сборник народног музеја у Београду. Београд, 1964. IV. С. 255–265.
- Страхов 1995 — *Страхов А. Б.* Филологические наблюдения над берестяными грамотами: VI–IX // *Palaeoslavica* III (1995). P. 231–279.

- Царевская 1999 — *Царевская Т. Ю.* Фрески церкви Благовещения на Мячине («в Аркажах»). Новгород, 1999.
- Щепкина 1972 — *Щепкина М. В.* О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1.
- Янин 1983 — *Янин В. Л.* Открытие мастерской художника XII в. в Новгороде // Древний Новгород. История. Искусство. Археология: Новые исследования. М., 1983. С. 82–110.
- Янин 1992 — *Yanin V. L.* The Archaeological Study of Novgorod: Historical Perspective // The Archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and its Hinterland. Lincoln, 1992. P. 67–106.
- Янин 1998 — *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998.
- Янин 2001 — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.
- Franklin 1992 — *Franklin S.* Greek in Kievan Rus' // Homo Byzantinus. Papers in Honor of Alexander Kazhdan / Ed. A. Cutler, S. Franklin (Dumbarton Oaks Papers, 46). 1992. P. 69–81.
- Kovalev 1998 — *Kovalev R.* What do the birch-bark texts tell us about everyday church life and christianity in Pre-Mongol Novgorod // Modern Greek Studies. Harvard, 1998. Vol. 14.
- ODB — The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. 1–3.
- Trapp — *Trapp E.* Prosopographisches lexikon der Palaeologenzeit. Wien, 1976.